

*ХАВКИН Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Автор 140 научных публикаций**

ДОКУМЕНТЫ АНТИГИТЛЕРОВСКОГО ЗАГОВОРА НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ И ВОЕННЫХ 1943–1944 годов ИЗ АРХИВОВ РОССИИ

В статье на основе документов дела участника заговора против А. Гитлера майора вермахта Иоахима Куна, хранящихся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации и опубликованных автором данного исследования, рассматривается заговор группы немецких военных и политиков, направленный на свержение гитлеровской диктатуры и выход Германии из войны. В конце сентября 1944 года «Собственноручные показания» Иоахима Куна лежали на рабочем столе председателя Государственного комитета обороны и Верховного главнокомандующего Красной армией И.В. Сталина. Таким образом, советский лидер раньше, чем руководители других стран антигитлеровской коалиции, был подробно информирован о ходе подготовки германскими офицерами и политиками покушения на А. Гитлера. За участие в заговоре против Гитлера майор Иоахим Кун был приговорен в Третьем рейхе к смерти. Однако и в Советском Союзе он был признан виновным «в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 года Особое совещание при Министерстве государственной безопасности СССР приговорило Иоахима Куна к 25 годам тюремного заключения. И только 23 декабря 1998 года Главная военная прокуратура Российской Федерации реабилитировала Иоахима Куна «за отсутствием в его действиях состава преступления». В связи с этим документы дела Иоахима Куна были рассекречены и стали доступны историкам.

Ключевые слова: антигитлеровское сопротивление, антигитлеровский заговор, заговор немецких военных против Гитлера, Иоахим Кун, Клаус фон Штауфенберг, Хельмут Штиф, Генрих фон Айнзидель.

*Адрес: 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: novistor@mail.ru

Для цитирования: Хавкин Б.Л. Документы антигитлеровского заговора немецких политиков и военных 1943–1944 годов из архивов России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 5. С. 43–54. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.43

30 ноября 1997 года первый президент России Б.Н. Ельцин в подмосковной резиденции Завидово вручил тогдашнему канцлеру ФРГ Г. Колю подарок: копии ряда хранящихся в российских архивах материалов по новейшей германской истории. Среди них были и датированные 1944 годом документы майора Куна. Российские чиновники, которые готовили подарок «друга Бориса другу Гельмуту», очевидно, так торопились, что в спешке не заметили, что эти документы еще даже не были рассекречены. Так в 1997 году на Запад попали неизвестные тогда в России фрагменты уникального исторического источника – досье майора Куна [1–2].

Но досье Куна «ушло на Запад» не полностью. В Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) хранится комплекс материалов, составляющих «Дело по обвинению Куна Иоахима», на котором основана наша публикация [3].

«Дело по обвинению Куна Иоахима», имевшее первоначальный следственный № 5141, было начато 29 августа 1951 года и окончено 6 октября 1951 года. Документы дела подобраны в соответствии с требованиями делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ СССР. По содержанию дело Куна стоит в одном ряду с другими следственными делами пленных германских офицеров, привлеченных в 1945–1952 годах в СССР к уголовной ответственности за совершение военных преступлений.

23 декабря 1998 года Главная военная прокуратура РФ реабилитировала германского подданного Иоахима Куна, осужденного в 1951 году Военным судом Московского военного округа, «за отсутствием в его действиях состава преступления» [4]. По этой причине документы дела Куна были рассекречены и к ним получили доступ историки.

О чем рассказывает этот исторический источник?

Через неделю после провала заговора против Гитлера 20 июля 1944 года в советский плен добровольно сдался его участник майор Генштаба Иоахим Кун. 2 сентября 1944 года он дал подробные «собственноручные показания»

о подготовке частью немецкой военной и политической элиты государственного переворота с целью свержения Гитлера и его клики [5].

Документы позволяют восстановить биографию Иоахима Куна. Он родился 2 августа 1913 года в Берлине в семье адвоката Артура Куна и Хильдегард-Марии, урожденной Кустер. В 17 лет Иоахим окончил гимназию и поступил в технический институт, который не окончил. В 19 лет, в 1932 году, он был принят на службу в стотысячный рейхсвер – профессиональную армию Веймарской республики. В 1933–1934 годах Кун обучался в военных училищах в Дрездене и Мюнхене и в конце 1934 года получил специальность военного инженера. В должности батальонного, а затем полкового адъютанта лейтенант Кун принимал участие в кампании Германии против Польши в 1939 году, командовал ротой в войне против Франции в 1940 году. За наведение понтонной переправы под огнем противника и личную храбрость был награжден Железным крестом. Летом 1941 года, когда Германия напала на СССР, капитан Кун служил в должности 1-го адъютанта (начальника штаба) 111-й пехотной дивизии вермахта. До ноября 1941 года он был на Восточном фронте. Затем как образцового штабиста его направили на учебу в Берлин – в Академию Генерального штаба, в которой он обучался до мая 1942 года и которую окончил как лучший офицер своего выпуска. Так Кун вошел в германскую военную элиту – корпус офицеров Генерального штаба. Для дальнейшего прохождения службы он, в январе 1943 года получивший чин майора, был направлен в Генштаб сухопутных сил – в организационный отдел верховного командования сухопутных сил (ОКХ). Его непосредственным начальником являлся граф Клаус фон Штауфенберг – один из руководителей военного заговора против Гитлера. 20 июля 1944 года Штауфенберг привел в действие взрывное устройство в ставке Гитлера, но Гитлер чудом уцелел. После провала покушения Штауфенберг в ночь на 21 июля 1944 года был расстрелян во дворе штаба ОКХ в Берлине.

17 февраля 1945 года офицеры советской военной контрразведки «Смерш» на основе показаний Куна раскопали на территории бывшей штаб-квартиры ОКХ в Мауэрвальде под Растенбугом (Восточная Пруссия) тайник, зарытый Куном осенью 1943 года по указанию Штауфенберга.

В двух банках, металлической и стеклянной, была спрятана документация заговора против Гитлера 1943 года. Из тайника были извлечены: «календарь мероприятий по реализации плана смены главы германского государства и Верховного главнокомандующего», постановление о введении в рейхе чрезвычайного положения в связи со смертью Гитлера, приказы, обращения, оперативные распоряжения, подготовленные в связи с так и не состоявшимся покушением на Гитлера 1943 года [6].

Как отмечал в составленной в феврале 1945 года пояснительной записке к этим документам начальник Главного управления советской военной контрразведки (ГУК) «Смерш» генерал-полковник В.С. Абакумов, «приказ верховного главнокомандующего, как показал Кун, был составлен осенью 1943 года руководителем заговора генерал-полковником Бек (застрелился) и Штауфенбергом (казнен). На пост верховного главнокомандующего и главы государства заговорщиками намечался Бек, который и должен был подписать этот приказ. Приказ об объявлении чрезвычайного военного положения в стране должен был подписать фельдмаршал Вицлебен (казнен), намечавшийся заговорщиками командующим вооруженными силами Германии» [7].

Приведем эти документы в официальном переводе, сделанном «Смерш» в феврале 1945 года, с сохранением оформления, стиля, орфографии и пунктуации.

«Перевод с немецкого.

Главная ставка

Приказ

Фюрер мертв.

Испорченные и бесовестные элементы, преследовавшие с давних пор под защитой неограниченной власти свои личные цели, сделали

попытку захватить в свои руки власть. Они знали, что народ и армия со все увеличивающимся ожесточением следят за их незаконными действиями. Равнодушные к жертвам, понесенным Германией, незатронутые тем, что родина лежит в развалинах, они были озабочены лишь собственным благополучием и надеялись с помощью безграничного насилия спасти самих себя и свою добычу, затопив в реках крови голос справедливости.

В минуту высшей опасности для отечества выступила армия, обезвредила предателей и взяла на себя исполнительную власть.

Один солдат руководит сейчас империей и главнокомандованием вооруженных сил. Из всех слоев народа, из всех областей империи стоят рядом с ним испытанные люди со знанием своего дела и с незапятнанной честью.

Солдаты

Будучи облечен верховной властью над вооруженными силами, я ручаюсь, что буду руководить Вами по-деловому. С этого часа от Вас будут требовать лишь необходимых для спасения отечества жертв. Ни одному из Ваших командиров не будет угрожать позорное удаление из армии за самостоятельные действия, основанные на знании обстоятельств и чувства ответственности.

Солдатское руководство страной гарантирует Вам, что родина будет такова, какой Вы, сражающиеся на фронтах, хотите ее видеть и увидите, когда возвратитесь. Эта родина будет всеми силами служить делу Вашей борьбы. Родина в свою очередь надеется на Вас. Она верит и ждет, что Вы ее спасете.

Солдаты

и прежде всех вы, бойцы Восточного фронта.

За эту родину вы должны выступить. После 4-х лет величайшей борьбы выйти в последний бой за родину, не за фантастические планы, безграничные завоевания, а за простую цель: за Ваш очаг, Ваш дом, за спасение Ваших жен и детей.

Если Вы не устоите, то все, что Вам дорого станет достоянием гибели и опустошения. Выдержите эту борьбу, чтобы мы могли свободно

ИСТОРИЯ

искать примирения, мира, достойного наших погибших.

Именем отечества обязую я Вас снова к верности, послушанию и храбрости.

Вместе с отечеством я надеюсь на ваше непреклонное мужество, которое становится тверже, чем больше угроза.

Я доверяю Вашим силам и Вашей вере в Германию.

Подпись» [7, л. 6–7].

«Перевод с немецкого.

Транслировать по радио.

Приказ об объявлении чрезвычайного положения в занимаемых запасной армией имперских областях.

Фюрер Адольф Гитлер мертв.

I. Изменническая клика “СС” овских и партийных руководителей, используя серьезность положения, ударила в спину находящемуся в тяжелой борьбе Восточному фронту и пытается в целях достижения личного благополучия захватить власть.

II. Для единения всех сил нации в этот тяжелый час, для обеспечения права, спокойствия и порядка, имперское правительство поручило мне одновременно верховное командование вооруженными силами и исполнительную власть в занимаемых запасной армией имперских областях, а также распорядилось немедленно объявить чрезвычайное военное положение.

III. Исходя из этого, приказываю:

1. Исполнительную власть в имперских областях, занимаемых запасной армией, принять командующему запасной армией генерал-полковнику _____

2. Исполнительную власть в военных округах немедленно принять командующим округами, им же передать полномочия имперских комиссаров обороны.

Командующим округами подчинены:

а) все находящиеся в их округах воинские учреждения и части, включая войска “СС”, отряды трудовой армии и организации ТОДТ;

б) все общественные учреждения (империи, провинций и общин), в особенности вся

административная полиция, а также полиция порядка, безопасности и порядка;

в) органы и подразделения НСДАП и приданные им части;

г) транспортные средства и пищевая промышленность.

3. Командующий запасной армией и находящиеся в его области командующие военными округами принимают необходимые решения и мероприятия для поддержания и восстановления права, порядка и общественной безопасности и проводят их в жизнь, в случае необходимости, вооруженной силой.

На все время действия чрезвычайного военного положения в имперских областях, занимаемых запасной армией, допустимы сокращения имеющихся законных границ в отношении личной свободы, собственности, права свободного выражения мнений, прав союзов и собраний, нарушения тайны почтовой и телеграфной и телефонной связи, а также приказы о домашних обысках и конфискациях.

4. Лица, выступающие против проведения приказов и распоряжений чрезвычайного военного положения или призывающие другие лица к непослушанию, будут переданы полевому суду.

Главнокомандующий вооруженными силами фельдмаршал» [7, л. 4–5].

Календарный план оперативных мероприятий заговорщиков, составленный Куном совместно с генералами Штифом и Фельгибелем и полковником Штауфенбергом, был рассчитан по минутам [7, л. 2]. Момент казни Гитлера был условно обозначен знаком «X», время до покушения – «X минус». Например, указанное в плане время «X минус 24» означало «за 24 часа до покушения». Время после покушения обозначалось «X плюс». Например, «X плюс 10 минут» означало «через 10 минут после убийства Гитлера». Под следующими условными фразами имелось в виду: «все восточные батальоны переводятся» – Гитлер в результате покушения убит; «половина восточных батальонов переводятся» – Гитлер ранен; «восточные батальоны

остаются, следует ждать признаков разложения» – заговор раскрыт, покушение не удалось; «восточные батальоны остаются, переорганизация не нужна» – покушение не удалось, но заговор не раскрыт.

Характерно, что В.С. Абакумов еще в феврале 1945 года предлагал опубликовать найденные с помощью Куна документы военного заговора против Гитлера, однако в нашей стране они оставались секретными до конца 1990-х годов [8].

2 сентября 1944 года Кун, содержащийся тогда в Москве во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, напечатал на немецкой пишущей машинке «Собственноручные показания». Изучение этого уникального источника, введенного нами в научный оборот в начале 2000-х годов, позволяет прийти к выводу, что благодаря показаниям Куна в сентябре 1944 года Сталин, Берия и Абакумов знали гораздо больше о заговоре группы немецких военных и политиков против Гитлера, чем сам Гитлер, рейхсфюрер СС Гиммлер и начальник Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер (он возглавлял расследование по «Делу 20 июля 1944 г.»), не говоря уже о лидерах западных стран-участниц антигитлеровской коалиции.

Показания Куна дали возможность создать многогранный портрет первых лиц антигитлеровского заговора; в них содержались политические и личные оценки ряда высокопоставленных германских военачальников и других ответственных лиц, включая генерал-фельдмаршалов Браухича, Клюге, Манштейна, Кюхлера, Вайса, министра К. фон Нейрата.

Кун рассказывал о своей беседе с графом Штауфенбергом (фактическим военным руководителем офицерского заговора), состоявшейся в ставке верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) в Виннице в августе 1942 года. Штауфенберг сказал Куну: «Утверждение Гитлера о том, что война несет переустройство Европы, является лживым <...> Эту войну нельзя было выиграть даже при самом искусном руководстве <...> Первопричину всех несчастий надо искать в личности фюрера и в его национал-социалистской теории <...> Если войну

больше нельзя выиграть, то нужно сделать все, чтобы спасти германский народ. А это, в свою очередь, возможно лишь путем быстрого заключения мира». Кун вспоминал, что эта беседа со Штауфенбергом потрясла его до глубины души. К тому же она состоялась летом 1942 года, до Сталинграда и последующих катастроф вермахта [9].

Еще один «разговор по душам» Штауфенберга и Куна произошел 3 февраля 1943 года, накануне отъезда Штауфенберга в Тунис, куда он был направлен в качестве начальника штаба 10-й танковой дивизии. «Выход, который мы так долго искали, – это установление временной военной диктатуры», – подчеркнул Штауфенберг [9, с. 164].

Следующая встреча двух офицеров состоялась через три месяца, 6 мая 1943 года. Кун пришел в берлинский госпиталь к Штауфенбергу, тяжело раненому в Тунисе: он потерял глаз, правую руку и два пальца левой руки. На этот раз Штауфенбергом были произнесены слова, к которым Кун был уже морально готов: «Успешная борьба против национал-социализма, его фанатических теорий и целей, то есть путь к спасению народа, может идти только по линии устранения личности Гитлера и его ближайшего окружения» [9, с. 164].

В сентябре 1943 года генерал-майор Хельмут Штиф с группой офицеров штаба ОКВ пытался уничтожить Гитлера в его ставке, но бомба, установленная заговорщиками в водонапорной башне, взорвалась преждевременно. Виновных не нашли: расследование по этому делу вели офицеры абвера, сами связанные с заговорщиками...

В то же время заговорщики продолжали обсуждать нелегкий для них вопрос об офицерской чести и верности воинской присяге. Кун писал в показаниях: «В кругах организации неоднократно подчеркивалось, что непосредственное участие в убийстве Гитлера недостойно звания офицера, но все же этот поступок может быть оправдан как казнь преступника» [9, с. 167].

Куну были поручены организация переворота и создание новой военной администрации

в Восточной Пруссии, где находилась гитлеровская ставка «Волчье Логово». Вот как описывал Кун поставленную непосредственно перед ним задачу: «Подготовка захвата расположенных в военном округе № 1 главных ставок Гитлера и Геринга. Мы должны были воздержаться от непосредственного захвата ставки фюрера в связи с тем, что она охранялась значительными силами охранного батальона». В район расположения главных ставок заговорщиками были стянуты части действующей армии. «Концентрация этих сил происходила под благовидным предлогом отражения возможных вражеских десантов» [9, с. 170].

В декабре 1943 года Кун побывал у фельдмаршала Вицлебена, который рассматривался заговорщиками как будущий Главнокомандующий вооруженными силами Германии. «Я надеюсь, что все будет сделано для ускорения переворота, – заявил фельдмаршал, – так как дольше ждать нельзя» [9, с. 171].

20 июля 1944 года, в день покушения на Гитлера, Кун находился на фронте в Польше, в штабе 28-й егерской дивизии. За месяц до этого рокового дня, 22 июня 1944 года, майор Генштаба Кун был назначен на должность начальника штаба указанной дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Густав фон Цильберг. 27 июля 1944 года, через неделю после провала заговора, Кун добровольно сдался в плен под Белостоком наступающим войскам Красной армии.

В «Собственноручных показаниях» Кун описывает свое пленение не как заранее подготовленный переход на сторону противника, а как вынужденное бегство с целью спасения своей жизни: он как заговорщик был на волосок от ареста и неминуемой казни. Однако

в Германии, как во время войны, так и после, он считался перебежчиком [10–12].

Пленение Куна было сразу же замечено нацистскими «фюрерами». 10 августа 1944 года начальник Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер писал рейхс-лейтеру М. Борману: «Не будет неожиданностью, если из-за участия в поставке заговорщикам взрывчатого вещества перебежавший к большевикам майор Кун всплывет в Национальном комитете» («Свободная Германия» (НКСГ). – *Б. Х.*) [10].

В связи с этим представляют интерес воспоминания бывшего вице-президента НКСГ, правнука князя Бисмарка графа Генриха фон Айнзиделя. В письме автору настоящей статьи, написанном в 2002 году, Айнзидель отмечает, что впервые услышал о Куне 22 августа 1944 года из рапорта фронтового уполномоченного НКСГ по 2-му Белорусскому фронту лейтенанта Вильмса, сообщавшего, что Красной армией взят в плен один из участников заговора 20 июля 1944 года, майор Генштаба Кун, который хочет включиться в движение «Свободная Германия» и войти в Союз немецких офицеров (СНО)¹. Но ни в НКСГ, ни в СНО Кун не появился. На вопросы председателя СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица о Куне работавшие с НКСГ и СНО советские офицеры вразумительного ответа не давали.

31 декабря 1944 года Айнзидель в качестве фронтового уполномоченного НКСГ прибыл на 2-й Белорусский фронт в районе Нарева. Там он познакомился с офицером 7-го отдела (отдел контрпропаганды и разложения войск противника) политуправления фронта Львом Копелевым. Майор Копелев спросил Айнзиделя о Куне и был очень удивлен, узнав, что в НКСГ и СНО Куна в глаза не видели. Копелев рассказал,

¹В деле 3-го Сената имперского военного трибунала против генерал-лейтенанта Цильберга есть свидетельства двух немецких унтер-офицеров, которые 31 июля 1944 года видели в советском лагере для военнопленных, расположенном примерно в 75 км восточнее Белостока, немецкого майора, одетого в кожаную танкистскую куртку и носившего эмблему Генштаба. Фамилия майора была Кун. Он искал возможности срочно быть доставленным в Москву для дачи важных показаний. Немецкий лейтенант (Вильмс. – *Б. Х.*), занимавшийся «большевистской обработкой военнопленных, которых затем с заданием от русских возвращали в Германию», сказал унтер-офицерам, что майор Кун был связан с людьми, совершившими 20 июля 1944 года покушение на Гитлера. Поэтому по возвращении в Германию они ничего не должны о нем говорить [13].

что однажды в июле 1944 года в только что освобожденной польской деревне к нему и еще двум советским офицерам подошла крестьянка и сказала, что скрывающийся у нее немецкий офицер хочет сдать в плен. Этим немецким офицером и был майор Кун. Кун заявил Копелеву о своем желании примкнуть к движению генерала Зайдлица. Копелев выдал Куну документ как пленному, имеющему особое значение, и выделил офицера для сопровождения в вышестоящие инстанции. Однако сначала Кун попал в обычный пересыльный лагерь для военнопленных, и уже оттуда его направили в Москву. Спустя много лет после войны, когда Айнзидель, депутат германского Бундестага, был в гостях у Копелева, знаменитого писателя и ученого-германиста, речь вновь зашла о Куне. Причем Копелев так и не смог объяснить, почему Куну не дали установить контакт с Зайдлицем, СНО и НКСГ².

Таким образом, немецкий лейтенант Вильмс и советский майор Копелев независимо друг от друга сообщали о желании Куна войти в СНО, глава которого генерал Зайдлиц был информирован об этом и хотел встретиться с Куном.

Почему же советские инстанции не дали Куну возможности связаться с НКСГ и СНО? Это обстоятельство объяснялось тем, что работавшие с военнопленными советские структуры конкурировали между собой. В итоге Кун попал не в руки «курировавших» НКСГ и СНО организаций – Главного политуправления Красной армии и Главного управления по делам военнопленных, а в «объятия» ГУК «Смерш»: перебежчик, к тому же офицер Генштаба, рассматривался как возможный шпион.

На русский язык «Собственноручные показания» Куна перевел оперативный уполномоченный Даниил Копелянский. На последней странице перевода он написал: «Справка. Первый экземпляр направлен для информации ГКО (Государственный комитет обороны. – Б. Х).

Оперуполн. 2-го отдела Гл. упр. Смерша капитан Копелянский» [3, л. 55].

23 сентября 1944 года начальник ГУК «Смерш» генерал-полковник Виктор Абакумов направил члену ГКО Георгию Маленкову письмо следующего содержания: «В Берлине на процессе по делу о покушении на Гитлера, как известно из прессы, одним из активных участников заговора фигурировал майор немецкой армии Кун Иоахим, который германским судом был заочно осужден к смертной казни. Немцы также сообщили, что Кун бежал на сторону Красной Армии и в связи с этим объявлен изменником родине <...> Будучи доставлен в Москву в Главное управление контрразведки “Смерш” и тщательно допрошен, Кун в собственноручных показаниях изложил известное ему о заговоре против Гитлера и своем участии в нем. Особый интерес представляют показания Куна в части известных ему участников заговора либо сочувствовавших заговору, которые не были репрессированы Гитлером и до последнего времени продолжали находиться на руководящих военных постах <...> Большую осведомленность в делах заговора и близкие связи с высокопоставленными лицами германского военного командования Кун объясняет своим служебным положением в Генеральном штабе, прошлым своих родителей (дед был генералом от кавалерии) и тем, что начальники рассматривали его как способного и растущего офицера. Имея в виду, что Кун объявлен в Германии изменником и активным участником заговора и к тому же в показаниях несколько выпячивает свою роль в заговоре, не исключена возможность, что он под предлогом всего этого заброшен немцами на нашу сторону с какими-либо специальными целями <...> Об изложенном доложено товарищу Сталину. При этом представляю перевод собственноручных показаний Куна» [3].

Однако для следственной практики НКВД-НКГБ-МГБ было необычно то, что к материалам

²По словам Куна, произнесенным в личной беседе с Г. Айнзиделем в Германии после войны, Штауфенберг в апреле 1944 года сказал ему, что, возможно, путь Зайдлица был не так уж и неверен [14].

дела Куна были приобщены его «Собственноручные показания», данные до ареста, несмотря на то, что эти показания не легли в основу обвинения и не использованы в нем. По практике делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ эти документы могли быть уничтожены как «не представляющие оперативного интереса» или приобщены к материалам переписки ГУК «Смерш». Сохранение в уголовном деле Куна его «Собственноручных показаний», данных им в качестве военнопленного, а не подследственного, – редчайший случай, объяснимый лишь тем, что первый экземпляр показаний попал в 1944 году «на самый верх».

«Собственноручные показания» Куна в конце сентября 1944 года лежали на рабочем столе председателя ГКО и Верховного главнокомандующего Красной армией. Следовательно, о ходе подготовки германскими офицерами покушения на Гитлера Сталин был информирован подробно.

В плену Кун, разумеется, не располагал точной информацией из Германии, касавшейся судьбы своих родственников и своей участи как участника заговора против Гитлера. Этим обстоятельством можно объяснить непреднамеренные ошибки, содержащиеся в тексте его «Собственноручных показаний». Например, он пишет: «4.VIII.1944 года я обратился к находившемуся в лагере г. Волковыск советскому штабному офицеру и сказал, что имею сообщить важные сведения. Много позднее я узнал, что как раз в этот день в Берлине меня приговорили к смертной казни» [14, с. 153]. Но данный факт не соответствовал действительности.

В то же время сообщенная Куну советской стороной версия о том, что 4 августа 1944 года он был приговорен в Германии к смертной казни, не являлась сознательной дезинформацией с целью получения от Куна требуемых на Лубянке показаний. О том, что Кун «германским судом был заочно осужден к смертной казни», говорилось и в письме Абакумова Маленкову от 23 сентября 1944 года. Конечно же, Абакумов не собирался вводить Маленкова в заблуждение. Информация о том, что 4 августа 1944 года Куна

приговорили в Третьем рейхе к смерти, была основана на справке, составленной «Смерш» по материалам Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) от 9 августа 1944 года, а ТАСС, в свою очередь, ссылалось на агентство «Трансоцеан» [14, с. 154].

В действительности же 4 августа 1944 года Кун приговорен к смерти не был: в этот день майор Генштаба ОКХ Иоахим Кун по предложению суда чести сухопутных сил и приговору народного трибунала Третьего рейха был лишь исключен из рядов вермахта «как перебежчик и в связи с событиями 20.VII.1944 года» [14, с. 154]. Но в дальнейшем нацисты все же вынесли Куну смертный приговор. 6 февраля 1945 года 3-й Сенат имперского военного трибунала под председательством судьи Шмаусера заочно приговорил Иоахима Куна к смерти «за измену родине, боевому знамени, воинскому долгу и переход на сторону врага». 20 февраля 1945 года Гитлер лично утвердил смертный приговор Куну и потребовал «немедленно привести его в исполнение, как только преступник попадет в немецкие руки».

Возможно, что в сентябре 1944 года капитан Копелянский, так же как и его начальники, не располагал всей поступавшей из Германии информацией о Куне. Ни Копелянский, ни сам Кун тогда еще не знали, что 27 июля 1944 года, в тот же день, когда майор Кун попал в советский плен, его отец Артур и мать Хильдегард-Мария были взяты в Берлине под превентивный арест как родители перебежчика.

С 12 августа 1944 года до 1 марта 1947 года военнопленный Кун содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке и Бутырской тюрьме в Москве. «Из соображений оперативной необходимости» ему было дано другое имя. В тюремном деле Кун значился как Иоахим фон Маловиц. Обращение с заключенным Маловицем и условия его содержания были относительно хорошими. В госпитале Бутырской тюрьмы ему оказывалась необходимая медицинская помощь. Все это время контрразведка «Смерш» вела активную «оперативную работу» с особо ценным пленным немецким офицером.

С целью «оперативной работы» военнопленный Кун, согласно указаниям Абакумова от 15 февраля 1945 года и 28 февраля 1947 года, дважды вывозился на «особые объекты». В 1947 году, по указанию Абакумова, который в это время возглавлял МГБ, Кун был помещен на «особый объект» – подмосковную дачу, где находился с 1 марта 1947 года по 22 апреля 1948 года. На даче он не столько отдыхал, сколько готовился к репатриации в Восточную Германию в качестве будущего сотрудника новой администрации. На «особом объекте» Кун находился под наблюдением. По сообщению следившего за ним «информатора», Кун «критиковал советскую власть»: в частной беседе он якобы сказал, что сыт по горло сотрудничеством с советскими властями и хочет по возвращении в Германию податься к американцам. Разумеется, что после этого о репатриации в Германию Куну пришлось забыть.

Весной 1948 года Куна вновь поместили в тюрьму. Он сидел в московских тюрьмах: с 22 апреля 1948 года в Лефортове и с 5 апреля 1950 года в Бутырке. Парадокс состоял в том, что юридически он в это время арестованным не считался. Ордер на его арест был выписан лишь 30 августа 1951 года. Капитану И.С. Мамаеву предписывалось обыскать Куна и арестовать его «по месту нахождения» [14, с. 155]. Местом нахождения Куна в то время была Бутырская тюрьма.

Юридическое оформление ареста Куна последовало сразу же за июльскими событиями 1951 года: исключением из ВКП(б), снятием с должности, а затем арестом и расстрелом министра госбезопасности СССР Абакумова, обвиненного среди прочего в затягивании расследования особо важных преступлений. В августе 1951 года новым министром госбезопасности был назначен партийный работник С.Д. Игнатьев, начавший «наводить порядок» и готовить к передаче в судебные инстанции следственные дела на всех находившихся в распоряжении МГБ немецких военнопленных, которых, как правило, приговаривали к 25 годам лишения свободы.

Майор Кун был обвинен на основании «пункта 1 (а) статьи II Закона, № 10 Контрольного совета в Германии» и признан виновным «в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 года Особое совещание при МГБ СССР приговорило Куна к 25 годам тюремного заключения, срок которого исчислялся со дня его сдачи в плен – 27 июля 1944 года.

Участие Куна в заговоре против Гитлера сталинские следователи и судьи рассматривали в качестве доказательства его вины. Как гласило обвинительное заключение, «установлено, что участники заговора имели следующую цель: уничтожение Гитлера; заключение сепаратного мира с Англией, Францией и США; продолжение войны против Советского Союза совместно с этими государствами» [14, с. 156].

6 октября 1951 года, т. е. за 11 дней до вынесения приговора по делу Куна, его следователь, майор госбезопасности Кичигин, принял решение: «Куна Иоахима, как военного преступника, после осуждения направить для отбытия наказания в особую тюрьму».

Особой тюрьмой, в которой Кун сидел с 1951 по 1956 год, был известный всей России Александровский централ – каторжная тюрьма близ Иркутска. По иронии судьбы немецкий офицер, участвовавший в заговоре против Гитлера, сидел в той же тюрьме, что и русские офицеры-декабристы, участники заговора против царя в 1825 году. В тюрьме Кун страдал от недоедания – у него началась дистрофия. Офицеры МГБ предполагали также, что он заболел психически. Хотя состояние здоровья узника Александровского централа вызывало опасения, его продолжали использовать на общих каторжных работах. Но в 1954 году появились послабления режима: с июня 1954 года Кун получил возможность писать и получать письма и принимать посылки. В тюремном деле есть отметки о получении им 43 посылок от матери. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 года заключенный Иоахим Кун подлежал досрочному освобождению. Но в сентябре 1955 года его

ИСТОРИЯ

не освободили, а перевели в тюрьму г. Первоуральска, где он провел последние, самые тягостные месяцы заключения, продолжавшегося до 7 января 1956 года.

16 января 1956 года Кун был передан в распоряжение правительства ФРГ и через лагерь для перемещенных лиц Фридланд вернулся на родину. 11 лет заключения превратили его в тяжелобольного и морально надломленного человека. О своем прошлом он предпочитал не говорить. В те годы многие в Западной Германии осуждали участников антигитлеровского заговора как людей, нарушивших воинскую присягу, хотя Конституция ФРГ и провозглашала законность неподчинения военным служащих преступным приказам.

По свидетельству графа Айнзиделя, навещавшего Куна в конце 1970-х годов, он жил замкнуто и одиноко в дешевом пансионе в Бад-Боклете, неподалеку от г. Бад-Киссингена на реке Саале. Там он и умер, всеми забытый,

6 марта 1994 года, прожив 80 лет. Как отметил Айнзидель, говоря о личной трагедии Куна, «выжившие заговорщики о нем просто умалчивали, как будто под страхом смерти. Он же больше не имел сил (возможно, он действительно страдал шизофренией), чтобы оправдаться и рассказать свою историю, какой она была на самом деле. В ФРГ нужно было вечно стыдиться того, что ты перешел к русским. Да и после того, как с ним обращались в Чека, он не поумнел... Человека, который был так сломлен жизнью, как он, не хотели представлять в качестве борца Сопротивления. Да и то, что среди заговорщиков были люди, которые рассматривали СССР как возможного партнера, было в 50-е годы, в разгар “холодной войны”, запретной темой. И так, его похоронили еще при жизни. Он пал жертвой не только Гитлера и Сталина, но и жертвой насквозь лживой исторической легенды» [14, с. 159].

Список литературы

1. *Hoffmann P.* Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes // FAZ. 1998. 20.VII.
2. von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i.G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944–1956 // Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof. Berlin, 2001. S. 57.
3. Дело по обвинению Куна Иоахима // ЦА ФСБ (Центр. арх. Федер. службы безопасности). Ф. Р-46988.
4. Определение № Н-240 Военного суда Московского военного округа от 23 декабря 1998 г. // ЦА ФСБ. Ф. Р-46988.
5. *Chavkin B., Kalganov A.* Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2001. № 2. S. 355–358.
6. *Калганов А.М.* Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. // Тайные страницы истории. М., 2000. С. 306–307.
7. По материалам ГУК «Смерш». Документы, обнаруженные в ставке главного командования германскими сухопутными силами // ЦА ФСБ. Ф. Р-46988.
8. *Хавкин Б.Л.* Заговор против Гитлера: Его главного участника приговорили к 25 годам советской тюрьмы // Родина. 2004. № 6. С. 25–30.
9. Собственноручные показания военнопленного майора вермахта Иоахима Куна // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 169–179.
10. «Spiegelbild einer Verschwörung». Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung: Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt / hrsg. von H.A. Jacobsen. Stuttgart, 1984. 576 S.
11. *von Herwarth H.* Zwischen Hitler und Stalin: Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt a/M: Propyläen, 1982. 367 S.
12. Lexikon des Widerstandes 1933–1945 / hrsg. von P. Steinbach, J. Tuchel. München, 1994. S. 116–117.

13. Haase N. *Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft*. Berlin: Gedenkstätte Dt. Widerstand, 1993. 280 S.

14. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. Из Центрального архива ФСБ России (предисловие и комментарии А.М. Калганова, Б.Л. Хавкина) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 148–179.

References

1. Hoffmann P. Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes. *FAZ*, 20 July 1998.

2. von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i.G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944–1956. *Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof*. Berlin, 2001, p. 57.

3. The Case of Joachim Kuhn. *Central Archives of the Federal Security Service (CAFSS)*. Coll. R-46988 (in Russ.).

4. Order no. N-240 of the Military Court of the Moscow Military District of 23 December 1998. *CAFSS*. Coll. R-46988 (in Russ.).

5. Chavkin V., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands. *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 2001, no. 2, pp. 355–358.

6. Kalganov A.M. Pokushenie na Gitlera 20 iyulya 1944 g. [Assassination Attempt on Hitler of 20 June 1944]. *Taynye stranitsy istorii* [The Secret Pages of History]. Moscow, 2000, pp. 306–307.

7. Based on the Materials of the Chief Counterintelligence Directorate *Smersh*. Documents Found in the General Headquarters of the German Army. *CAFSS*. Coll. R-46988 (in Russ.).

8. Khavkin B.L. *Zagovor protiv Gitlera: Ego glavnogo uchastnika prigovorili k 25 godam sovetской tyur'my* [Plot Against Hitler: Its Key Actor Was Sentenced to 25 Years in Soviet Prison]. *Rodina*, 2004, no. 6, pp. 25–30.

9. Sobstvennoruchnye pokazaniya voennoplennogo mayora vermakhta Ioakhima Kuna [Testimony of Prisoner of War Major Joachim Kuhn Written Under His Hand]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2002, no. 3, pp. 169–179.

10. Jacobsen H.A. (ed.). „*Spiegelbild einer Verschwörung*“: *Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung: Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt*. Stuttgart, 1984. 576 p.

11. von Herwarth H. *Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945*. Frankfurt am Main, 1982. 367 p.

12. Steinbach P., Tüchel J. (eds.). *Lexikon des Widerstandes 1933–1945*. Munich, pp. 116–117.

13. Haase N. *Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft*. Berlin, 1993. 280 p.

14. Novyy istochnik po istorii zagovora protiv Gitlera 20 iyulya 1944 g. Iz Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii (predislovie i kommentarii A.M. Kalganova, B.L. Khavkina) [A New Source on the History of the Plot Against Hitler of 20 July 1944 from the Central Archives of the Federal Security Service of Russia (Foreword and Comments by A.M. Kalganov and B.L. Khavkin)]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2002, no. 3, pp. 148–179.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.43

Boris L. Khavkin

Russian State University for the Humanities;
Miusskaya ploshchad' 6, Moscow, 125993, Russian Federation;
e-mail: novistor@mail.ru

DOCUMENTS FROM RUSSIAN ARCHIVES ON THE PLOT AGAINST HITLER BY GERMAN POLITICIANS AND MILITARY MEN IN 1943–1944

Based on the documents in the case of Major Joachim Kuhn, one of the conspirators against Adolf Hitler, kept in the Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation and

For citation: Khavkin B.L. Documents from Russian Archives on the Plot Against Hitler by German Politicians and Military Men in 1943–1944. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 5, pp. 43–54. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.43

ИСТОРИЯ

published by the author of this study, the article examines the plot of a group of German military men and politicians aimed to overthrow Hitler and withdraw Germany from the war. At the end of September 1944, handwritten testimony by Joachim Kuhn was lying on the table of Chairman of the State Defence Committee and Supreme Commander of the Red Army Joseph Stalin. Thus, he was the first among the leaders of the anti-Hitler coalition to receive detailed information about the plotted assassination. Major Joachim Kuhn was sentenced to death in the Third Reich for participating in the conspiracy. Noteworthy, in the Soviet Union he was found guilty of “preparing and waging an aggressive war against the USSR”. On October 17, 1951 the Special Meeting at the USSR Ministry of State Security sentenced Joachim Kuhn to 25 years in prison. As late as on December 23, 1998 the Chief Military Prosecutor’s Office of the Russian Federation acquitted Joachim Kuhn “for absence of crime in his actions”. As a consequence, the documents in Kuhn’s case were declassified and made available to historians.

Keywords: *anti-Hitler resistance, anti-Hitler plot, German military conspiracy against Hitler, Joachim Kuhn, Klaus von Stauffenberg, Helmut Stief, Heinrich von Einsiedel.*

Поступила: 21.03.2019
Принята: 28.06.2019

Received: 21 March 2019
Accepted: 28 June 2019